

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

LE VOL DU SANCY

Жюльетта
Бенцони

Украденный бриллиант

Москва
2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni
LE VOL DU SANCY

Copyright © PLON 2016
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского *Е. Кожевниковой*
Художественное оформление *Г. Федотова*

Бенцони, Жюльетта.
Б46 Украденный бриллиант / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр.
Е. Кожевниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
384 с. — (Жюльетта Бенцони. Королева французского
романа).

ISBN 978-5-699-93575-8

В старинном замке Хивер, принадлежавшем когда-то Анне Бойлейн, случается невиданное — крадут знаменитый бриллиант «Санси». Лорд Астор, владелец камня и страстный коллекционер, обвиняет в пропаже князя Альдо Морозини: он был единственным, кому довелось переночевать в замке накануне происшествия.

Но Альдо утверждает, что камень украл самозванец, искусно притворившийся настоящим Морозини. Получается, у князя есть двойник! Теперь Альдо предстоит вернуть знаменитый «Санси» и спасти свою репутацию. Но сделать это будет непросто, ведь негодай, подставивший его, все еще на свободе.

**УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44**

ISBN 978-5-699-93575-8

© Кожевникова Е., перевод на русский
язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

*Май 1589, замок Эльг,
округ Винтертур, Швейцария*

Француз стоял на открытой галерее, опоясывающей второй этаж замка, и, не отрывая глаз, смотрел на восток. Он ждал. Надеялся наконец увидеть скачущих всадников. С каждым днем он жаждал их приближения все нетерпеливее.

У него вошло в привычку проводить часы после ужина здесь, на галерее, наедине со своими мыслями, и ни один человек в замке не осмеливался заговорить с ним об этом, зная, насколько важно для него то, чего он ждал из вечера в вечер...

Французу было немногим за сорок, он был высокого роста, серьезное его лицо удлиняла небольшая каштановая бородка, где уже мелькала преждевременная седина, точно такая же, как в длинных волосах, откинутых с высокого лба. Он говорил мало, слушал внимательно, изредка улыбался, и затаившаяся в уголке его рта ироническая складка говорила, что ему не чуждо чувство юмора. Но вовсе не в эти сумеречные часы, полные ожидания и тревоги. Звали его Николя де Арлэ, сеньор де Санси. А те, кого он так ждал, все не появлялись. Времени между тем оставалось все меньше и меньше.

Во Франции только что закончилась — не солжем, если скажем, что из-за отсутствия соперников, — война, вошедшая в историю как Война трех Генрихов: короля Генриха III, его заклятого врага Генриха де Гиза и Генриха Наваррского, обращенного в католичество гугенота и единственного реального претендента на престол. Закончилась она так: король, напуганный безнаказанными бесчинствами Католической лиги¹, покончил при помощи клинков своих верных Сорока Пяти² с ее главой, ненавистным ему Генрихом де Гизом. А спустя короткое время был и сам убит сестрой де Гиза Екатериной де Монпансье. В живых остался только Генрих Наваррский, зять покойного короля, по вероисповеданию протестант, который однажды сказал: «Париж стоит мессы», — и принял католичество.

Сеньор де Санси поспешил в Швейцарию, желая помочь королю Наварры взять Париж и стать королем Франции. Чтобы придать величественности весельчаку, от которого разило чесноком и который любил всех женщин кроме своей законной жены, Маргариты де Валуа, сестры Генриха III, знаменитой королевы Марго, его поспешили короновать в великолепном шартрском соборе в присутствии Габриэль д'Эстре, его прелестной любовницы, которую он надеялся увидеть своей королевой. Но сначала нужно было завоевать Париж, мятежную столицу, а для этого Генриху IV нужны были солдаты.

¹ Католическая партия во Франции, организованная в 1576 г. герцогом Генрихом Гизом. Ее появление сильно повлияло на ход событий религиозных войн во Франции.

² Отряд всадников-телохранителей, специально созданный для себя Генрихом III.

Тонкий дипломат, обладатель немалого состояния и большой отваги, Николя де Арлэ предложил государю выход из затруднения, пообещав предоставить в его распоряжение десять тысяч солдат, к тому же лучших в мире — швейцарцев. Вот почему француз де Арлэ находится в замке Элы. Его хозяева, братья Хейнзель, могли не только достать нужное количество солдат, но и договориться с кантонами о займах, благодаря которым и можно будет нанять эту армию.

Для десяти тысяч солдат сумма требовалась не маленькая, а у новоиспеченного Генриха IV в распоряжении была едва только четвертая ее часть. Он был в отчаянии, и тогда сеньор де Санси сделал королю еще одно предложение: ради требуемой суммы он готов был заложить бриллиант из своей собственной коллекции. Самый крупный. Великолепный камень в пятьдесят пять каратов. Этот камень стоил дороже десяти тысяч людей. Король принял предложение Санси с радостью. Не трудно было догадаться, какое облегчение он испытал. И Арлэ отправил своего самого надежного слугу с письмом к старику дворецкому, посвященному во все семейные тайны. Среди многих тайн Жером знал и о бриллианте — он знал, где камень спрятан. Всадников с драгоценным камнем и ждал сеньор де Санси на открытой галерее, глядя в огромное небо, раскинувшееся над уснувшей деревушкой, чувствуя, как понемногу тает в его душе надежда.

Но однажды настал вечер, и он увидел вдалеке на дороге облако пыли и скачущего галопом всадника. Николя де Арлэ вздохнул с облегчением, узнав Поля, своего

слугу. Однако радость мгновенно улетучилась. Поль был один. Где Жером, мажордом, которому было поручено привезти бриллиант?

Ответ последовал незамедлительно. Жестокий ответ. Жером неожиданно скончался в городе Дижоне. Удар едва не сбил сеньора де Санси с ног. Скончался?! В Дижоне? В родном городе Карла Смелого, Великого герцога Запада? А ведь бриллиант, именуемый теперь «Санси», был когда-то его любимым сокровищем. Камень у него украли, когда после поражения при Грансоне был разграблен лагерь герцога...

Друг короля невольно сжал виски обеими руками, ему почудилось, что кровь сейчас хлынет у него из вен. Но он справился с приступом отчаяния, поднял голову и собрался уже отправить Поля отдыхать, но тот, убедившись, что они одни, наклонился и произнес:

— Перед кончиной Жером дал мне поручение к господину графу.

— Поручение? Говори же!

— Сейчас. Жером заставил меня приложить ухо к его губам и прошептал: «Скажи господину графу, что всё при мне».

— Что это значит? Он ничего тебе не передал?

— Нет, только эти слова: «Всё при мне». И еще он прибавил, что нужно спешить. И вот...

Последние слова Поль произнес уже в пустой галерее. Сеньор де Санси мчался вниз по лестнице, собираясь немедленно пуститься в путь. На последней ступеньке он обернулся и крикнул Полю:

— Где ты оставил Жерома?

— У врача. Он уверял, что его отравили, настаивал на вскрытии, но только в вашем присутствии. Я мчался к вам как сумасшедший.

— И правильно мчался. Мы едем в Дижон.

Час спустя два всадника покинули замок Эльг.

Дом доктора Пиза в Дижоне смотрел прямо на церковь Святого Михаила, прекрасное здание эпохи Возрождения, каких мало осталось во Франции. Дом был уютный, с небольшим садом, в глубине которого во флигеле находилась лаборатория. Спустившись на несколько ступенек вниз, Арлэ вошел в нее и был немало удивлен, увидев тело Жерома на каменном столе с бороздками для стока крови.

— Почему вы его не похоронили? — изумленно спросил он.

— Старик был уверен, что вы непременно приедете, узнав о его кончине. Он считал, что его отравили, и настаивал, чтобы вскрытие происходило в вашем присутствии. Только после этого его тело могло быть предано земле. Вы желаете, чтобы мы приступили к вскрытию? Должен отметить, что с приездом вы не замедлили.

— Жером был мой самый верный слуга. Он никогда не бросал слов на ветер.

Врач зажег два факела по обоим концам стола, снял верхнюю одежду, надел большой кожаный фартук, засучил по локоть рукава рубашки, вооружился скальпелем и наклонился над телом. Взмахнул рукой и сделал длинный надрез, раскрыв мертвецу грудь. Второй надрез открыл врачу доступ к пищеводу, желудку и прилегающим к нему кишкам. Он внимательно изучил их, потом объявил:

— Бедняга ошибся. Жером не был отравлен. Его органы в полном порядке.

Но де Арлэ не сдавался, он кое-что понял. И указал на раздувшийся от присутствия постороннего предмета пищевод.

— Думаю, там находится то, что мы ищем.

В самом деле, в следующую секунду Пиз уже держал в руках небольшой шарик, покрытый кровью и сукровицей, сквозь которые пробивалось его сияние. Владелец безотчетно улыбнулся. Он знал, что, поручив старому дворецкому хранить самый прекрасный из бриллиантов своей коллекции, он сделал правильный выбор. Сокровище у Жерома было в большей безопасности, чем у самого хозяина.

Тщательно обтерев бриллиант и собираясь убрать его сначала в замшевый мешочек, а затем в карман камзола, Николя де Арлэ невольно залюбовался богатой игрой камня, который он считал уникальным, единственным в мире. Мужчина расставался с ним не без горечи, но что поделать? Положение нового короля Франции было тяжким, и он должен был получить свои десять тысяч солдат. Лучшую в мире пехоту — швейцарцев. С ними он получит Париж, который «стоит мессы», и тогда истерзанная религиозными войнами Франция обретет наконец умного, доброго и человеческого государя...

Николя де Арлэ, позволив себе отдых лишь в виде плотного ужина с лучшим вином, не медля ни секунды, помчался обратно в замок Эльг.

«Санси», украшавший когда-то баснословную сокровищницу бургиньонов, продолжил свое удивительное странствие...

Часть первая

Дамский заговор

1. Опрометчивое обещание

Мощное чиханье, а затем приступ лающего кашля, свидетельствующий скорее о ярости, чем о простуде, сотряс не только мраморную лестницу, но и весь дворец Морозини. Лиза, поднимавшаяся в эту минуту по ступенькам с подносом, над которым вился пар от чашки с горячим шоколадом, уставленным горшочками с медом и корзинкой с круассанами, едва не упала. Как, впрочем, и Ги Бюто, бывший учитель Альдо Морозини, а теперь управляющий делами знаменитого ювелира, знатока старинных драгоценностей. Мужчина, наоборот, спускался по лестнице вниз, в библиотеку, и держал в руках стопку книг.

— Ему ничуть не лучше, — отметил Бюто, подняв глаза к потолку.

— И мне так кажется, — со вздохом согласилась молодая женщина. Она остановилась посреди лестницы, чтобы немного прийти в себя. — Он никак не может успокоиться, потому и не выздоравливает. К тому же пьет теперь шоколад вместо своего безумно крепкого кофе.

— И зачем ему понадобилось, несмотря на простуду, нестись в Англию?

— Можно подумать, вы его не знаете и не вы его учили! Да вы оба теряете головы, если речь заходит о знаменитой коллекции вашего старого друга и к тому же давнего, скажем, партнера, потому что Альдо терпеть не может слова «клиент». Друзьям достаиваются его особенного внимания, а если они еще и в возрасте и не могут сами ездить... Это и был случай лорда Эллертона-старшего, который у всех пользуется заслуженным уважением и которого Альдо очень любит. Лорд написал письмо, прося помочь ему составить завещание. Старик хотел, чтобы доли, которые он оставит своим двум детям, были равными, и еще желал оценить свои редчайшие драгоценности, доставшиеся ему от Тюдоров.

— Бредовая, однако, идея делить коллекцию! Скажите на милость, кто это их делит? Ну, разве когда продают с молотка. И наследники тоже обычно желают получить коллекцию целиком, мы-то с вами это прекрасно знаем. Но будь я на вашем месте, то поторопился бы с шоколадом. Он остынет, пока мы с вами болтаем.

— Сама мудрость говорит вашими устами, — засмеялась Лиза и поспешила вверх по лестнице. — А поездка, конечно, выдалась престранная!

И это самое меньшее, что можно было сказать об этой поездке.

Четыре дня тому назад Альдо срочно вызвали в Кент. Он уже чувствовал себя неважно и поэтому решил лететь до Лондона самолетом, хотя и терпеть не мог этого. Потом он собирался взять напрокат автомобиль и на нем добраться до замка старого сеньора. Альдо влекло туда не только дружеское почтение, но и желание полюбоваться одной из самых прекрасных в мире коллек-

ций драгоценных камней, пока она была еще в целости и сохранности. А что с ней будет дальше из-за принятого лордом решения, знал один только Бог.

Альдо улетел в общем-то даже с приятным чувством, несмотря на начинающийся бронхит. Его всегда радовала возможность повидаться с лордом Эллертоном, так как оба они обожали драгоценные камни с историей. Речь к тому же шла о дружеском общении, а не о коммерческой сделке. В общем, поездка обещала быть очень приятной.

Но!..

Альдо вернулся буквально на следующий же день, сердитый, разобиженный и в два раза сильнее простуженный, чем накануне. Что же произошло? Во-первых, Англия встретила путника полярным холодом, лишив его бронхи возможности нормально дышать. Во-вторых, лорда Эллертона не оказалось дома, он не только не ждал Альдо, но даже не думал его вызывать.

Мало того! Дворецкий Эллертона Седвик, не зная, когда вернется хозяин, не предложил Альдо подождать его в замке. Впрочем, князь и не принял бы его приглашения, предпочитая болеть на своей собственной постели, а не в чужом доме, пусть и друга.

Погода была ужасная, но Альдо снова сел во взятый напрокат автомобиль, добрался до Лондона, потом до аэропорта Хитроу, чтобы взять билет на самолет до Парижа, хоть и не любил воздушные перелеты. Прилетел в Бурже, из Бурже тоже самолетом в Милан, а уж из Милана отправился поездом в Венецию. И тут злобная судьба его доканала: городу доджей грозила «высокая вода»!

Обычно Альдо не видел большой беды в наводнениях, разве что Лизе вместе с тремя ребятами приходилось поспешно переключиваться к бабушке в ее замок Рудольфкрон, чтобы быть уверенной, что ее малыши выйдут «сухими из воды». Подобное переселение вошло у них уже в привычку.

Многие годы подряд, за редчайшим исключением, примерно в одно и то же время Адриатическое море заливало Венецию, затрудняя доступ к домам и вынуждая городские власти снабжать улицы и открытые пространства вроде площади Святого Марка высокими деревянными тротуарами, к которым венецианцы успели так привыкнуть, что перестали их замечать. Флот речных трамвайчиков, катеров, барж и гондол был настолько обширен, что обеспечивал горожанам привычное течение жизни, так что никто из них не испытывал особых неудобств. Однако Лиза с тех пор, как ее дети начали перемещаться самостоятельно, не сомневалась, что у них хватит фантазии на всевозможные опасные глупости, а потому увозила их от греха подальше к бабушке, где вода превращалась в белый снег и не грозила утопить ее драгоценных крошек.

Она и на этот раз готовилась отправить детей к бабушке, даже не дожидаясь «высокой воды». Причиной ее уверенности была еще и болезнь Альдо. Как каждая добропорядочная швейцарка, Лиза являлась заклятым врагом любой инфекции, всех бацилл и всех микробов. Оберегая детей от опасности, она собиралась уехать с ними немедленно к заснеженным вершинам Зальцкаммергута в бабушкин альпийский замок, где их ожидали увлекательнейшие игры. Хотя детям казался еще

более многообещающим по части игр отцовский замок, плавающий в воде, но, к сожалению, здесь за ними следили не спуская глаз двадцать четыре часа в сутки. Так что Альдо, вернувшись из Англии, не мог наслаждаться полным покоем и заботами любимой красавицы жены... Он и внутренне был далек от покоя. Отсутствие лорда Эллертона почему-то его тревожило. Оно было неожиданным, необъяснимым. На протяжении многих лет лорд был одним из самых надежных его партнеров. Поверить, что такой человек сыграл с ним дурную шутку, Альдо не мог. Лорд Эллертон не любил шуток.

Не будь Альдо так простужен, он, возможно, тут же принялся бы за разгадывание этой загадки и непременно бы справился с этим еще в Англии, но в тот вечер в голове у него не складывалось даже два и два, а его живое воображение видело перед собой лишь кровать в венецианском палаццо. Даже мысль о возможности заглянуть в Париже на улицу Альфреда де Виньи пролетела мимо: разве можно навещать любимую старенькую тетюшку, очаровательную маркизу де Соммьер, ставходячей колбой с микробами?

Однако домашний покой оказался недолговечным. Он улетучился в тот самый миг, когда Альдо принялся за свой завтрак. На пороге спальни появился обеспокоенный Ги и сообщил:

— Внизу леди Риблсдэйл-Астор!

Альдо в этот миг как раз опустил кусочек хрустящего круассана в чашку с горячим душистым шоколадом. На Ги он посмотрел несколько рассеянно.

— Надеюсь, вы сказали, что я в агонии и по этой причине никого принять не могу.